

Три года Добрынюшка ключничал,  
Три года Добрынюшка стольничал,  
Три года Добрыня приворотничал, —  
Да минуло тому времени девять лет.  
На десятое лето да он гулять пошел.  
Ай брал он уздечку все тесмяную,  
Еще брал себе седельшко черкальское,  
Да пошел Добрынюшка на конюшен двор.  
Еще брал он, брал себе коня доброго,  
Да накладывал уздицу все тесмяную,  
Да накладывал седельшко черкальское,  
Да застегивал двенадцать тугих подпругов,  
Да тринадцатый тянул через хребетну степь, —  
Да не ради бы басы, да ради крепости,  
Еще ради бы опору богатырского.  
Брал он себе палицу боёвую,  
Еще брал себе сабельку вострую,  
Еще брал себе копье да брусоменское.  
Обуздal он, обседлал да коня доброго,  
Отправлялся наш Добрынюшка в чисто поле  
Да во то же раздольице широкое.  
Только видели Добрыню, как коня седлал,  
Ай коня седлал да в стремяна ступал,  
Да не видели поступки лошадиной,

Не видели поездки богатырской,  
Только видели: в чистом поле курева стоит,  
Курева стоит да дым столбом валит.

Едет Добрынюшка по чисту полю,  
По тому же по раздольицу широкому.  
Он ведь выехал на шоломя окатисто,  
На окатисто шоломя, на увалистое,  
Еще русская земля да потаилася,  
Как неверная земля возременилася.

Брал он трубочку подзорную,  
Подзорную трубочку дальневидную,  
Зрел он, смотрел да во чисто поле

Да на все же на четыре разны стороны.

Завидел во чистом поле,  
Да стоит там шатер чернobarхатный.

Поехал тут Добрыня ко черну шатру,  
Поехал он Добрынюшка скоро-наскоро,  
Приезжал он к шатру близко-наблизко.

Соходил тут Добрыня со добра коня,  
Он спускал-то коня да во чисто поле.

Еще сам он коню да наказыват,

Наказыват коню да наговариват:

«Уж ты конь мой, конь да лошадь добрая!

Ты топериче поди, конь, во чисто поле,

Уж ты ешь, мой конь, да люблю траву,

Уж ты пей, мой конь, да ключеву воду.

Когда услышишь мой богатырский крик,

Ты тогда бежи да скоро-наскоро,

Поспевай да ко мне навремя».

Спустил он коня да во чисто поле,

Еще сам он пошел да ко черну шатру.

Приходил Добрынюшка ко черну шатру.

На шатре такие надписи написаны, —

Золотыми литерами да нарисованы:

«Еще кто приедет ко черну шатру, —

Да живому-то назад будет не уехати,

Не бывать тому будет да на Святой Руси,

Не топтать тому будет да зеленой травы

Да не слушивать четья-петья церковного,

Да того же звону колокольного».

Там стояла сороковочка с зеленым вином,

Да стояла тут братынюшка серебряна,

Да не мала — не велика, с полтора ведра.

Брал Добрынюшка братынюшку серебряну,

Да цедил он из бочки да зелено вино.  
Нацедил он братыню все серебряну,  
Выпивал он братынюшку к одному духу.  
Он первую выпивал да ради здравьица,  
Он вторую выпивал ради похмельица,  
Он ведь третью выпивал да ради шалости.

Как хмелинка в голове да появилась, —  
Во хмелю ему надпись не полюбилася.  
Он хватил эту бочку да с зеленым вином,  
Высоко ее да он выбрасывал, —  
Она падала на матушку сыру землю.  
Разбил эту бочку да с зеленым вином,  
Растоптал он братынюшку серебряну,  
Еще сам пошел да ко черну шатру.

Приходил Добрыня ко черну шатру,  
Ай схватил он шатер да чернobarхатный,  
Еще прервал шатер да чернobarхатный,  
Лемтюги он разбросал да по чисту полю.

Тут стояла-то кроваточка тесовая,  
Стояла кроваточка слоновых костей,  
Ай слоновых костей, костей заморских,  
Да заморских костей — зуба рыбьего:  
Ай дарил ему король да Лехоминский.

На кроваточке перинушка лежит пуховая  
Да закрыта одеялом да соболиным,  
В зголовях-то подушечки тяжелые.  
Повалился наш Добрыня на кроватку спать,  
На кроваточку-ту спать да опочив держать.  
Еще заспал Добрынюшка тут крепким сном.

Да во ту же пору было да во то время  
Из-за моря, моря да моря синего,  
Из-за поля, воля да поля чистого  
Да не темна ли тученька востучилась,  
А не грозна ли с дождем да поднималась, —  
Еще едет-то удалый добрый молодец,  
Еще тихия Дунай да сын Иванович.  
Еще едет Дунаюшко по чисту полю,  
По тому же по раздольицу да широкому,  
Он смотрит во трубочку в подзорную,  
В подзорную в трубочку в дальневидную  
На все же на четыре да разны стороны:  
Да не видит своего да шатра черного,  
Да не видит он бочки с зеленым вином, —  
Только видит кроваточку одну тесовую.

Поехал тут Дунай да скоро-наскоро,

Приехал ко шатру да близко-наблизко:  
Да стоит одна кроваточка тесовая,  
На кроваточке лежит да добрый молодец,  
Заспал добрый молодец тут крепким сном.  
Да хотел ему Дунаюшко голову срубить,  
Еще сам он себе да прираздумался:  
«Да сонного-то убить да будто мертвого,  
Не честь мне хвала будет молодецкая,  
Да не выслуга будет богатырская».  
Закричал он, зазычал громким голосом:  
«Тебе полно спать да все пора ставать!»  
Пробужался наш Добрыня от крепкого сну,  
Он легко-скоро скакал да на резвы ноги,  
Закричал он» зазычал громким голосом:  
«Уж ты конь мой, конь да лошадь добрая!  
Ты топериче бежи, конь, из чиста поля,  
Ты бежи-тко, конь, да скоро-наскоро,  
Поспевай же ты ко мне да навремя».  
Услыхал во чистом поле его добрый конь»  
Он бежал к ему да скоро-наскоро.

Скакал тут Дорбрыня на добра коня,  
Да поехали богатыри на три поприща,  
Давали они поприща по три версты.

Они съехались богатыри, поздоровались,  
А здоровались они палицами боёвыми, —  
Они тем боем друг друга не ранили,  
Они не дали раночки да кровавоей,  
Да кровавоей раны к ретиву сердцу;  
Да от рук от их палицы загорелися.  
Да рубились сабельками острыми, —  
У их острые сабли расщербались,  
Еще тем боем друг друга не ранили,  
Они не дали раночки да кровавоей,  
Да кровавоей раночки к ретиву сердцу.  
Да кололися они копьями булатными, —  
Они тем боем друг друга не ранили.  
Да тянулися они тягами железными

Через те же через гривы лошадиные, —  
Да железные тяги да распаялися.  
Соходили они да со добрых коней  
На ту же на матушку на сыру землю  
Да плотным боем да рукопашечкой, —  
Боролися они да вешний день до вечера.  
Еще день-то идет, братцы, ко вечеру,  
Красно солнышко катится ко западу,  
Ко западу катится да ко закату.

По колен втоптались да в матушку сыру землю.

Мать сыра земля тут сколыбалася,

В озерах-то вода да заплескалася,

Еще сырое дубье да согибалось,

Да вершинка со вершинкой соплеталася,

Еще сухое дубье много ломалось,

Во чистом поле травку да залелеяло.

Да во ту же пору было да во то время

Из-за моря, моря да моря синего,

Из-за поля, поля да поля чистого

Да не темна ли тученька востучилась,

А не грозна ли с дождем да поднимается, —

Тут ведь едет удалой добрый молодец

Да старый-то казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович.

Едет-то Илеюшка по чисту полю,

По тому же по раздольицу по широкому.

Он ведь смотрит во трубочку в подзорную,

Да в подзорную трубочку дальневидную.

Да завидел Илеюшка во чистом поле,

Там ведь бьются-дерутся два богатыря.

А сидит-то Илеюшка на добром коне,

Еще сам он себе да думу думает:

«Я поеду к им да близко-наблизко, —

Неверный с русским бьется, дак я помощь дам;  
Как два неверных бьются, буду притакивать;  
Как русски-те бьются, да буду разговаривать».

Да поехал Илеюшка скоро-наскоро,  
Да приехал Илеюшка близко-наблизко:  
Тут дерутся два русских богатыря.  
Закричал он, зазычал громким голосом:  
«Уж вы ой еси, два русских богатыря:  
Вы об чем деритесь да об чем бой идет,  
Об чем у вас бой идет, да что вы делите?»  
Отвечал тут Дунай да сын Иванович:  
«Ишь, как перва-та находочка Добрынина:  
Разбил у меня сороковку с зеленым вином,  
Растоптал у меня братынюшку серебряну,  
Еще прервал у меня весь черной шатер,  
Еще черный шатер да чернobarхатный,  
Лемтюги он разбросал по чисту полю».  
Говорил тут Добрынюшка Микитичек:  
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец,  
Илья Муромец да сын Иванович!  
Еще много мы ездим да по чисту полю,  
По тому же мы раздольицу широкому, —  
Оставляем мы шатры белополотняны,

Да таких мы глупостей на написывам».

Говорил-то Илеюшка таково слово:

«Ты дурак-то, Дунай да сын Иванович!

Уж ты служишь королю да Лехоминскому, —

Ты такими глупостями да занимаешься».

Да говорил-то Добрынюшка таково слово:

«Я приехал ко шатру да из чиста поля,

На шатре-то надписи были написаны,

Неподобные такие надписи;

Тут стояла сороковка да с зеленым вином,

Тут стояла да братынюшка серебряна,

Да не мала — не велика, полтора ведра.

Ведь я брал братынюшку серебряну

Да цедил из бочки зелено вино,

Выпивал эту чару да зелена вина,

Да не малу — не велику, полтора ведра,

Выпивал ведь я да к одному духу.

Я перву-ту ведь выпил ради здравьица,

Я вторую выпил ради похмельица,

Еще третью я выпил ради шалости.

Как хмелинка в голове у меня появилась,

Во хмелю-то мне надпись не полюбилася, —

Я хватил ту бочку да с зеленым вином,

Высоко ее да я выбрасывал, —  
Она падала на матушку на сыру землю,  
Разбил эту бочку да с зеленым вином.  
Растоптал я братынюшку серебряну,  
Уж я прервал шатер да чернobarхатный,  
Лемтюги я разбросал да по чисту полю.  
Повалился я тогда да на кроватку спать,  
На кроватку спать да опочив держать.  
Еще заспал я да ведь крепким сном.  
Да приехал тут Дунай да сын Иванович,  
Да приехал Дунаюшко из чиста поля,  
Разбудил меня удала добра молодца;  
Тогда стали-го мы да с им бороться,  
А бороться мы да воеватися».  
Говорил тут стар казак Илья Муромец:  
«Перестаньте вы да биться-ратиться  
Да садитесь подите на добрых коней».  
Садились они да на добрых коней  
Да поехали по пути по дорожечке,  
Да поехали они во красен Киев-град.  
  
Приезжали они во красен Киев-град,  
Встречали их князи да думны бояра,  
Да встречал их Владимир стольнокиевский

Да со той же княгинюшкой Опраксией:  
«Уж вы здорово ездили-во чисто поле?  
Уж что вы там чули, что вы видели?» —  
«Уж мы здорово ведь съездили во чисто поле».

Собирал им Владимир всё почестен пир  
Для многих князей, для многих бояров,  
Да для сильных могучих богатырей,  
Для всех полениц да преудалых,  
Для всех купцов-гостей торговых,  
Для всех крестьянушек прожиточных,  
Да про многих казаков со тиха Дону,  
Да про всех-то калик да перехожиих,

Перехожиих калик да переброжиих.  
Еще все на пиру тут напивались,  
Еще все на честном пиру наедались,  
Еще все на пиру были пьяны-веселы,  
Еще все на пиру тут прирасхвастались:  
Да иной-от хвастает да добрым конем,  
А иной-от хвастает да вострым копьем,  
А иной-от хвастает да золотой казной,  
А иной-от хвастает да родной сестрой,  
Еще глупый хвастает молодой женой,  
Еще умный хвастает старой матерью.

Про того же Дунаюшка Иванова  
Да сказали князю все Владимиру:  
«Еще ездил Дунай как во чисто поле  
Да служил он королю Лехоминскому.  
Король его любил да все шатром дарил,  
Да дарил ему шатер чернobarхатный,  
Да дарил ему кроваточку тесовую,  
Еще ту же кроваточку дорогих костей,  
Дорогих костей, костей заморских,  
Заморских костей да зуба рыбьего.

Выдавал король да ему порцию,  
Выставлял ему бочку да зелена вина».

Тут на его князь да распрогневался,  
Говорил-то Владимир да таково слово:  
«Уж вы ой еси, ключники-замочники!  
Вы берите-ко мои да золоты ключи,  
Вы берите Дуная да за белы руки,  
Вы ведите-ко Дуная да во глубок погреб,  
Запирайте Дунаюшка во глубок погреб».

Заперли Дунаюшка во глубок погреб  
За трой-те двери все железные,  
Еще выдали ему да полную порцию,  
Еще дали ему свечи да воску ярого,

*Бой Добрыни с Дунаем*

Еще дали книг да сколько надобно.

Тут-то тем дело да окончалось.